

Ж. Кессель

Княжеския ночи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К36

К36 **Кессель Ж.**
Княжеския ночи / Ж. Кессель – М.: Книга по Требованию, 2013. – 239 с.

ISBN 978-5-8850-1455-7

ISBN 978-5-8850-1455-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вина дома пустовала, а расходы становились день ото дня тяжелѣе. Она была готова согласиться, когда посѣтитель прибавил:

— Я работаю по ночам, сударыня, и возвращаюсь только в пять часов утра, не откажите дать мнѣ ключ от входной двери, чтобы не беспокоить вас каждый раз

Несмотря на всю свою выдержку м-ль Мезюрэ не могла удержаться от движенія неудовольствія. Послѣ десяти часов Пачиж становился для нея чѣм-то вродѣ пустыни, полной опасности и соблазнов, на посѣщеніе которой не могла рѣшиться ни одна честная душа. А этот шофер намѣревался ежедневно приносить к ней оттуда безпокойство жизни.

Пока она размышляла, незнакомец заговорил опять:

— Не бойтесь, сударыня, увѣряю вас, что я никого не разбужу. Я умѣю ходить, как тѣнь.

Эти слова он произнес таким мягким голосом, он улыбался так открыто и так грустно, что м-ль Мезюрэ внезапно поняла, что не в силах отказать странному ски-талъцу, хотя имѣла право хвастаться, что жизнь ея управляется самыми непоколебимыми принципами. Однако, она сдѣлала отчаянную попытку защищаться:

— На ключ, сударь, — сказала она сурово, — не рассчитывайте. У меня только один и с ним я не расстаюсь. Но я встаю очень рано и буду вам открывать сама. Прошу только не звонить. Мой дом всегда считался самым спокойным в нашей мѣстности.

Она тихонько вздохнула, думая о той полудожинѣ жильцов, которая у нея оставалась и о взглядах, какими они встрѣтят вновь прибывшаго. Но отступать было поздно. Новый жилец уже заполнял опросный лист, и м-ль Мезюрэ прочла:

Фамилія: Шувалов.

Имя: Максим.

Возраст: 30 лѣт.

Мѣсторожденіе: Тобольск (Сибирь).

Національність: русскій.

Профессія: доктор медицины, в настоящее время шофер.

Документы: паспорт Лиги Націй, удостовѣреніе личности, разрѣшеніе на право ѣзды.

Таким образом, первый русскій поселился в семейном пансіонѣ. Вскорѣ, путем таинственнаго размноженія, в силу законов скопленія, приводившаго м-ль Мезюрэ в ужас и в состояніе отупѣнія, их стало трое, потом пятеро, потом десять и, наконец, всѣ свободныя помѣщенія в домѣ были заняты людьми, писавшими на полицейских опросных листках: паспорт Лиги Націй.

Последняя формула странно смущала м-ль Мезюрэ.

У нея сложились три представленія о русских. Первое восходило к отдаленным временам Феликса Фора. Вмѣстѣ со всѣм городом она смотрѣла на маршировавших моряков адмирала Авелана и ея сердце, неизвѣстно почему, забилось ускоренным темпом в уже исхудавшей груди. До войны она уже успѣла их позабыть. Теперь они стали союзниками. Успокоительное слово, за которым скрывались милліоны солдат и скачущих казаков. Потом настала пора большевизма. Тут уж м-ль Мезюрэ не находила больше образов, соотвѣтствовавших событіям. Она ограничивалась тѣм, что повторяла: «большевики, большевики!» с коротким движеніем головы, выражавшим ужас, отвращеніе и ненависть.

Но кто были тѣ, кого привела к ней судьба, еще неизвѣстно счастливая или роковая? Что означал этот ярлыкчек: паспорт Лиги Націй?

Как-то утром, открывая по обыкновенію дверь Максима Шувалову, она не удержалась и спросила:

— О, это так просто, сударыня, — отвѣтил он улыбаясь одним ртом. — Мы не хотим нашей родины такою, какова она сейчас, и она тоже не признает нас. И вот мы ничьи, т. е. мы принадлежим всему міру, т. е. Женевѣ.

Хотя это объясненіе и не было цѣликом понято м-ль Мезюрэ оно все-же открыло ей, что у новых жильцов не

было больше родины. И долго она не могла свыкнуться с этой мыслью.

Ни у одного народа нѣтъ такого, как у французов, чувства зависимости и тѣлесной связи между отдѣльными лицами и их родной землей. М-ль Мезюрэ была французенкой старой закваски, и пансіонеры, которые вслѣд за Шуваловым наполнили ея дом, казались ей в теченіе недѣль, слѣдовавших за этим откровеніем, какими-то существами, плохо прикрѣпленными к землѣ, существами не вполнѣ человѣческими, с которыми нельзя было обращаться, как с другими.

Являлось-ли основой этого страннаго чувства презрѣніе или жалость? Она не могла отвѣтить на этот вопрос, но неувѣренность, которую ей внушали ея новые постояльцы, ставила ее по отношенію к нам в такое положеніе, котораго она никогда не допустила бы раньше: она не рѣшалась больше заставлять соблюдать тѣ правила, которыя управляли прежде этим мирным домом.

И в самом дѣлѣ, как требовать от людей, явившихся с другой планеты, чтобы они вели себя подобно нормальным существам? Как спрашивать у парочек, повѣнчаны-ли онѣ? Как заставлять покинуть гостиную в девять часов вечера? Каким образом запретить трем лицам, работающим в разные часы, смѣнять друг друга в одной и той-же кровати? Не давать угля для нелѣпой машины, называемой самоваром?

Нѣкоторые из старых постояльцев, оставшихся вѣрными м-ль Мезюрэ, жаловались сначала на разговоры, которые велись в комнатах до глубокой ночи и сопровождались порой пѣснями. Но она принимала эти упреки с видом полнѣйшаго безсилія и ограничивалась отвѣтом:

— Что вы хотите — вѣдь это русскіе!

— Ах это русскіе! — повторяли старикси и удалялись, покачивая головой, как будто всего того несчастья, таинственности и величія, которыя смутно связывались с этим именем, было вполнѣ достаточно, чтобы подчиниться без ворчанія поступкам, нарушавшим их покой.

О тѣх пор пансіон м-ль Мезюрэ окрестили в переулкѣ русским домом, и часто хозяйки, возвращавшіяся с корзиной в рукѣ, оставаивались у порога, чтобы посмотрѣть глубокомысленно на старыи дом, который, как им казалось, был полон загадок.

Но, в концѣ концов, наступил день, когда м-ль Мезюрэ привыкла не считать больше подданных Лиги Націй какими-то существами, упавшими из астрального пространства. Она стала различать в них мужчин и женщин, правда болѣе молодых, чѣм ея прежніе жильцы, но от этого не менѣе похожих на остальных представителей человѣческой породы. И лишь тогда она вполне отдала себѣ отчет в тѣх переѣнах, которыя они внесли в дом, и ужаснулась своей слабости.

Не стало больше уваженія ко времени трапез, уборки и сна. М-ль Мезюрэ не могла болше полагаться на разныи звуки в пансіонѣ, чтобы узнать который час. Ей нужно было смотрѣть на часы. И куда дѣвалась баюкающая обстановка, томительная до оцѣпенѣнія, полусонное состояніе в теченіе многих и многих лѣтъ?

Теперь переговаривались из комнаты в комнату. По коридорам слышалось непрерывное хожденіе. Странныи по сѣтителі, порой изысканно одѣтыи, порой шаркавшіи ногами, чтобы скрыть продырявленныи подметки, являлись к одним и тѣм-же лицам, встрѣчая одинаково радушный приѣм. Они оставались в гостях цѣлыми часами. О чем могли они так долго бесѣдовать? И к чему та страстность, от которой голоса слышались даже в садикѣ? Хорошо еще, если за нѣсколько минут до обѣда не приходилось ставить приборы для трех, четырех неожиданных гостей!

А маленькіи графинчики, наполненныи прозрачной жидкостью, называемой водкой, черныи хлѣб, появившійся на столѣ и вызывавшій взгляды умиленія! А особенно эта смѣрна настроенія, эти путавшіи м-ль Мезюрэ замкнутыи трагическіи лица, которыи внезапнои звонким смѣхом заставляли ее вздрагивать!

Когда м-ль Мезюрэ поняла происшедшій переверот, к ней вернулась былая энергія. Ей захотѣлось оказать пре-

тиводѣйствіе, вновь натянуть потуже вожжи того авторитета, который всегда за ней признавался.

Но ея усилія остались без результата, и она даже не была в состояніи объяснить точно почему. Ея приказанія никогда не встрѣчали ни малѣйшаго сопротивленія; их даже выслушивали с видом полнѣйшаго одобренія, с какой-то вѣжливой радостью, как будто дѣло шло о том, чтобы оказать услугу или доставить удовольствіе, а не о безнравственном нарушеніи установленнаго порядка. И вскорѣ все незамѣтно снова шло противъ ея желанія.

К завтраку опаздывали на пять минут. Просили извиненія. Предлагали не брать перваго блюда. И все это с такой любезностью, что сердиться становилось невозможным. Если м-ль Мезюрэ упрекала кого-нибудь за громкую бесѣду с гостем до двух часов утра и за шумные проводы, на лицѣ жильца появлялось непритворное сожалѣніе, и он отвѣчал:

— Это был мой гость, сударыня. Мы разговаривали о моих родителях. Вѣдь он вернулся оттуда.

И тут м-ль Мезюрэ чувствовала себя виновной.

Это повторялось во всем. Каждый поступок, будь он самый неожиданный, самый рѣзкій, находил оправданіе, которое нельзя было не признать, или, если был не оправдываем, сопровождался таким искренним раскаяніем, что вина искупалась цѣликом. Не столько самыя извиненія постояльцев, сколько их тон, обезоруживали м-ль Мезюрэ. В них заключалась неотразимая искренность, неотразимая простота. Эти люди производили на нее впечатлѣніе болѣе обездоленных, болѣе безпомощных, чѣм другіе. Они казались беззащитными в силу неизлѣчимой наивности, и, привыкая мало-по-малу к этим лицам, начав интересоваться их жизнью, м-ль Мезюрэ полюбила их, сама того не зная.

Но напрасно всё в ея кварталѣ спрашивали по утрам:

— Как поживают ваши русскіе?

Старый Борков, скрипач Блуменфельдт, обѣ сестры из номера 14, шофер Шувалов и остальные стали для нея

дѣйствительно «своими», точно слабыя дѣти, которых она подобрала.

Только один из них не возбуждал в ней такой безсознательной нѣжности, потому что он жил, повидимому, исключительно ради собственнаго удовольствія. Никогда м-ль Мезюрэ не встрѣчала красавца, столь похожаго на великолѣпное животное, как молодой князь Федор Ашкеліани. Конечно, старая дѣва не знала, что его густые волосы цвѣта вороньяго крыла, продолговатые глаза, гордые плечи и талія тонкая как у дѣвушки, составляют особенность воинственной расы востока. Но будь она даже знакома с исключительной чистотой типа лиц и сложенія кавказцев, она все-же была бы поражена почти безграничным обаяніем Федора.

Это впечатлѣніе не вызывалось его сложеніем, так как его грудь была почти пропорціональна таліи, а кисти рук с блестящими ногтями были тонки и казались слабыми. Но стоило ему пошевелить какой-нибудь частью тѣла, чтобы всѣ остальные напрягались. Его мускулы были как-бы лучше отлиты и лучше связаны, чѣм у других мужчин и их сила увеличивалась взаимной гармоніей. Чувствовалось, что они крѣпки быстры в движеніи, точно выкованы на наковальнѣ и постоянно подчинены какому-то внутреннему независящему от воли напряженію. Мускулы, выработанные цѣлым рядом поколѣній горцев и наѣзников с прямым торсом и сильной грудью.

Ими он управлялся всю свою жизнь. Неомотря на образованіе, клубы и европейскія привычки, он любил только лошадей, праздники, кровавыя схватки, войну, и кромѣ того женщин, немногія из которых могли перед ним устоять.

Богатство семьи и весь ход жизни давали ему возможность удовлетворять свои стремленія до того дня, когда, очутившись на пристани в Марсельѣ, он вынул из кармана все свое имущество — приторшню драгоценных камней.

На них он пышно прожил мѣсяц в Парижѣ. Потом поселился в пансіонѣ Мезюрэ.

Когда он записал свое имя в домовую книгу, он не скавал ни одного слова старой дѣвѣ, и она была очень удивлена, увидя вечером 12-го января подошедшаго к ней жильца.

— Сударыня, завтра день нашего Нового Года, — сказал он. — Да, да, через тринадцать дней послѣ вашего. Тринадцать хорошее число. Тринадцать! (Он повторял это слово с какой-то чувственностью). У меня будет обѣдать нѣсколько друзей, и я бы хотѣл получить в свое распоряженіе гостиную. В качествѣ отдѣльнаго кабинета, вы понимаете? Если вы нам разрѣшите на счастье разбить нѣсколько стаканов, это будет очень удобно.

И тут м-ль Мезюрэ в первый раз уловила выраженіе невинности и точно безпомощности перед собственными желаніями на этом лицѣ, которое шутало ее своей красотой. У нея не хватило сил отказать князю, который вел счет дням иначе, чѣм остальной мір, и бил посуду, чтобы умилостивить судьбу.

II.

Алексѣй Дмитріевич Борков проснулся в полдень как-бы от толчка в своей мансардѣ под самой крышей. Его съдая голова внезапно поднялась с короткаго дивана, лобезно предоставленнаго ему м-ль Мезюрэ, и повернулась к тому углу комнаты, из котораго ему послышался тяжкій вздох. В полумракѣ от закрытых ставен он не мог разглядѣть, были-ли откриты глаза у головы, видѣвшейся на подушкѣ.

— Ты спишь, Вася? — пробормотал он возможно тише.

Не получив отвѣта, он успокоился. Мальчик в нем не нуждался. То, что он принялъ за зов, было, очевидно, скрипом сломанных пружин, которыя вонзались в него при

малѣйшем движеніи, или можетъ быть, голосъ слышался ему во снѣ.

— Странно, — подумал Борков, — я вижу много снов, а вѣдь говорятъ, ходьба успокаиваетъ мозгъ.

И онъ вытянулся на ложѣ, слишкомъ короткомъ для длиннаго худого тѣла. Его суставы, сведенные часами сна, повинувались ему плохо. Несмотря на это, онъ попытался заснуть, чувствуя себя совершенно разбитымъ усталостью.

Онъ легъ спать только около четырехъ часовъ утра, вернувшись, какъ обычно, пѣшкомъ изъ типографіи своей газеты. А путь отъ квартала Гобелэнъ до улицы в Пасси не малъ. Не разъ во время безконечной дороги онъ твердилъ, падая отъ усталости:

— В самомъ дѣлѣ это невозможно. Я больше не в состояніи. Надо будетъ поискать квартиру поближе.

Но каждый разъ, какъ онъ вступалъ в ту часть города, гдѣ воздухъ чище, гдѣ чувствуется близость зелени и гдѣ земля не использована до конца человѣческимъ трудомъ, онъ думалъ о сынѣ и не могъ рѣшиться перевести его в тѣ парижскіе кварталы, куда онъ ходилъ на работу и дышалъ воздухомъ, полнымъ грохота и микробовъ.

Къ тому-же, гдѣ онъ еще могъ бы найти такую удобную хозяйку, какъ м-ль Мезюрэ, которая за тысячу франковъ в мѣсяцъ соглашалась сдавать имъ комнату и кормить его вмѣстѣ с Васей.

Правда, комнатка была в сущности чердакомъ, но в третьемъ этажѣ дышится легче, чѣмъ в первомъ. Возможно, что за столомъ его порція была точнѣе отмѣрена, чѣмъ порціи другихъ столоующихся, но Алексѣй Дмитріевичъ прекрасно понималъ, что за эти деньги нельзя требовать большаго. А пища была здоровая — что было чрезвычайно важно для Васи.

Жить вдвоемъ прилично и ѣсть досыта за тысячу франковъ — какая рѣдкая удача! Онъ зарабатывалъ тысячу двѣсти франковъ в мѣсяцъ, при чемъ писалъ черезъ день передовицы и корректировалъ гранки. Для журналиста-эмигранта это являлось огромнымъ заработкомъ. Сколько коллегъ счи-

тали его баловнем судьбы, коллег, которые сами имѣли кое-какую работу. Что-же до других...

А вѣдь тысяча двѣсти франков — какая-нибудь сотня прежних рублей... Дойти до этого послѣ тридцати пяти лѣтъ удачной карьеры, послѣ редактированія вліятельных газет, послѣ встрѣч с министрами и послами...

Алексѣй Дмитриевич тряхнул головой, чтобы отогнать образы, расчеты и всякія соображенія, которыя овладѣвали им каждый раз при пробужденіи, в моменты наибольшей слабости, и лишали его остатка сил. А силы ему были нужны, так нужны! Он внутренне повторял эти слова, как бы желая сопротивляться до конца упадку сил и отчаянію, не переставая поглядывать на постель спящаго сына.

Спящаго — так ему казалось.

Хотя Алексѣй Дмитриевич снимал ботинки у входа в комнату, открывал дверь осторожно, точно вор и двигался с легкостью женщины, Вася был разбужен этим беззвучным появленіем и больше не мог заснуть.

Юноша девятнадцати лѣтъ имѣл нервы, разбитые, как у долго жившаго человѣка. Дѣтство ребенка, родившагося от пожилых родителей, проходило в вѣчном волненіи. Два брата, убитые в Галиціи, осиротѣвшая семья, потом революція, выстрѣлы, голод. Мать, скончавшаяся в тюрьмѣ, дрожащій отец, наконец, сѣтство... И, как слѣдствіе всего этого, вѣчная слабость, вѣчная неправильная работа сердца, то рѣзкая и учащенная, то погружающая в смертельный страх.

В то утро сердце работало спокойнѣй, и Вася был почти рад безсонницѣ, которая давала ему возможность наслаждаться на свободѣ его ровными ударами. Он терпѣливо наблюдал за разсвѣтом, понемногу наполнявшим узкую комнату. Стѣны ея постепенно раздвигались, и Вася, сам того не замѣчая, унесся далеко за предѣлы мансарды.

Ласковый поток подхватил юношу и перед ним послѣдовательно замелькали рѣдкіе свѣтлые образы прошлаго: майское утро на берегах Невы, путешествіе вниз по Волгѣ с отцом, посланным собирать литературные матерьялы,

ночь на палубѣ парохода, шедшаго в Марсель, и сумерки на Средиземном морѣ, когда он увидѣлъ зеленый луч, будто в романѣ Жюль Верна.

Он пытался вспомнить имена героев этого романа, но безуспѣшно. Они витали слишком далеко в его памяти. Тогда он стал думать о чтеніи болѣе близком, наполнявшем всю его жизнь. «Война и мир». До чего он любил эту книгу! Наташа у ложа умирающаго князя Андрея... Невольно он отогнал от себя эти образы, так как сердце уже начинало биться быстрее.

Он стал читать стихи Лермонтова, полные солнца, мягкой нѣжності и сладострастія. Часы плавно неслись среда мечтаній.

Подчас затрудненное дыханіе Алексѣя Дмитриевича нарушало течение мыслей. Вася кротко переносил его, хотя обычно малѣйшій шум сковывал мускулы юноши томительным нетерпѣніем. Он знал слѣдствіем какой страшной усталости являлся этот свист, ему была известна нѣжная всепонимающая, точно материнская любовь отца.

Лишній раз ему стало больно от мысли, что он лежит на удобной кровати, в то время, как старик каждую ночь мучается на расшатанном диванѣ. Но что-ж мог он сдѣлать? Во всем, что касалось сына, Алексѣй Дмитриевич проявлял такое кроткое упрямство, что сопротивляться было бесполезно. Вася догадывался, что, настаивая, он только усиливал бы страданія отца.

На самом дѣлѣ Алексѣй Дмитриевич никогда не говорил сыну о своей ужасной слабости. Он хотѣлъ, чтобы его считали здоровым и взаимная нѣжность дѣлала то, что почти всегда лежавшій юноша и старик, окружавшій его заботами и нѣжностью, притворялись, что живут почти нормальной жизнью.

— Он не хочет, чтобы я себя считал больным, — думал Вася, глядя с волненіем на лицо с рѣдкими сѣдыми бровями и впалыми щеками безжалостно освѣщенными блѣдными лучами, проникавшими через щели ставен.

И в эту минуту юноша испустил глубокой вздох, разбудившій Алексѣя Дмитриевича. Но Вася закрылъ глаза и